

Приключения кролика

Георгий Абрамов

Георгий Абрамов

Приключения кролика

«Автор»

2026

Абрамов Г.

Приключения кролика / Г. Абрамов — «Автор», 2026

Приключения кролика — весёлая история о том, как самые неожиданные повороты судьбы могут начаться с одного шага за порог родного дома.

© Абрамов Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Георгий Абрамов

Приключения кролика

Глава 1

В одном солнечном лесу, где деревья шептались с ветром, а ручьи напевали весёлые песенки, жил необычный кролик по имени Пушок. Он был не таким, как все: ушки у него забавно закручивались на концах, словно маленькие спирали, а пушистый хвостик напоминал пушистый помпон.

Пушок сидел на краю луга, обхватив лапками пушистые бока, и смотрел, как солнце медленно опускается за деревья. Трава вокруг шелестела, будто перешёптывалась с ветром, а в небе кружили птицы — парами, стайками, весело и дружно. Пушок вздохнул.

Он не знал, почему он один.

Когда-то давно, насколько он мог вспомнить, рядом были другие кролики. Он смутно помнил тёплые бока рядом в норке, тихие разговоры перед сном, совместные прыжки по росистой траве на рассвете. Но теперь всё это казалось далёким сном. Ни следов, ни голосов, ни знакомых мордочек среди кустов. Только он — и огромный мир вокруг.

Пушок поднял голову и огляделся. Луг раскинулся перед ним, залитый золотистым светом: цветы кивали головками, бабочки порхали от бутона к бутону, где-то вдалеке стрекотали кузнечики. Всё было так красиво, так живо и так не похоже на то, как должно быть, когда ты не один.

«Может, я просто забыл, куда они ушли?» — подумал он. Он встал на задние лапки и принялся. Ветер донёс запахи земли, травы, грибов — но не кроличьих следов. Ни единого.

— Эй! — негромко позвал он, сам не зная, к кому обращается. — Есть тут кто-нибудь?

Ответило ему лишь стрекотание кузнечиков да шелест травы.

Пушок опустил ушки. Ему вдруг стало немного страшно и очень одиноко. Но в то же время внутри затеплилось что-то ещё — странное, горячее чувство. Любопытство.

«Если я не знаю, где они, — значит, надо найти, — решил он. — Надо пойти и спросить у леса, у ручья, у неба. Кто-нибудь точно знает, почему я один».

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один — и вскоре уже бежал по лугу, оставляя позади тень сомнения, а впереди — мерцающую надежду.

Ведь даже если ты один, это ещё не значит, что ты будешь один всегда.

Пушок шёл по лесу, осторожно переступая через корни деревьев и охапки опавших листьев. Он заглядывал под кусты, прислушивался к каждому шороху и время от времени громко звал:

— Эй, есть тут кто-нибудь? Ответьте мне, пожалуйста! Но лес не отвечал ему.

Птицы, щебетавшие на ветках, будто замолчали в тот самый момент, когда он обращался к ним. Белка, только что прыгавшая с дерева на дерево, вдруг затаилась в густой хвое и перестала шевелиться. Даже ветер, минуту назад ласково шелестевший листвой, утих, словно затаил дыхание.

Пушок остановился у старого дуба и тихо спросил: — Ты знаешь, куда подевались все кролики? Почему я остался один? Дуб молчал. Его кора была шершавой и морщинистой, как лицо древнего старца, но в этих морщинах не читалось ни ответа, ни сочувствия. Лишь одинокий жук неторопливо полз по стволу, не обращая на кролика никакого внимания. Он подошёл к ручью, склонился над прозрачной водой и повторил свой вопрос, глядя на своё отражение: — Почему я один? Где все? Ручей журчал и бежал дальше, перекатываясь через камешки, — но его песня была всё той же, без единого слова для одинокого кролика.

Пушок вздохнул. Он чувствовал, как внутри разрастается тяжесть — такая же густая и тёмная, как лес вокруг. Но тут на его нос опустился лёгкий лепесток — розовый, с края берёзы. Он поднял глаза: деревья покачивали ветвями, и в этом движении ему вдруг почудилось что-то ободряющее. «Может, они просто не умеют говорить так, как я, — подумал он. — Но это не значит, что они меня не слышат». Он выпрямился, расправил плечи и твёрдо сказал: — Ладно. Раз вы не можете мне ответить, я найду тех, кто сможет. Я пойду дальше.

И, последний раз оглянувшись на молчаливый лес, кролик шагнул на тропинку, ведущую вглубь чащи. Где-то там, он верил, его ждали ответы — и, может быть, даже друзья.

Пушок шёл по узкой тропинке и нервничал. Он всё время оглядывался, вздрагивал от треска веток и принюхивался, не пахнет ли чем-то опасным. «Вдруг здесь лисы? Или совы ночью охотятся? А если я заблужусь и не найду дорогу назад?» — думал он.

Он остановился у большого валуна, уселся, обхватив лапки, и попытался собраться с мыслями: «Сначала надо найти место, где переночевать. Под корнями дерева или в густом кусте — там меня не заметят. Потом надо запомнить дорогу. Может, оставить метки? Отрывать кусочки коры или складывать камешки?» Он поднял голову и посмотрел вокруг. Лес был и красивым, и страшным: высокие деревья, тени, шорохи. Вдалеке ухнула сова, и кролик вздрогнул. «И ещё, — продолжил он, — надо быть тихим и осторожным. Не шуметь, не привлекать внимание. Держаться открытых мест, где всё видно. Но нельзя вечно прятаться!» Эта мысль согрела его. Да, безопасность важна, но сидеть в норе и бояться — не для того ли он пошёл в путь? Чтобы найти ответы и тех, кто ему дорог.

Пушок глубоко вдохнул, расправил плечи и встал. «Хорошо, — сказал он, — буду осторожен. Но не спрячусь. Пойду дальше. Потому что если остановлюсь из-за страха, никогда не узнаю, почему один».

Он сделал шаг, потом ещё один, уже увереннее. Ушки шевелились, нос ловил запахи, глаза смотрели по сторонам. Он будет бдительным и осторожным, но страх его не остановит. И, чувствуя, как решимость растёт, он зашагал по тропинке навстречу новым испытаниям и, возможно, друзьям.

Пушок долго искал подходящее место для дома — где-то в стороне от шумных тропинок, но недалеко от ручейка, с мягкой землёй и надёжной опорой в виде старого дуба. Когда он наконец его нашёл, работа закипела.

Сначала он вырыл основной тоннель — не слишком длинный, но достаточно просторный, чтобы развернуться. Потом обустроил уютную спальную комнату в глубине: натаскал туда сухой травы, мягких листьев и клочков мха, которые нашёл у ручья. Получилось настоящее пушистое гнёздышко — в нём было тепло и удобно. У входа он выложил небольшой порожек из камешков — чтобы в дождливую погоду вода не затекала внутрь. А по бокам от входа посадил несколько кустиков земляники — и красиво, и лакомство под рукой!

В одной из боковых ниш, устроил «кладовую»: аккуратно сложил туда запасы — корешки, сушёные грибы и несколько сладких морковок, заботливо припрятанных на зиму. Рядом, в маленькой выемке, он поставил крошечную плошку с чистой водой — на случай, если ночью захочется пить. Когда всё было готово, он отступил на пару шагов и с гордостью оглядел своё творение. Норка получилась именно такой, как он мечтал: надёжная, уютная и совсем-совсем своя.

Пушок зашёл внутрь, устроился в своём мягком гнёздышке и глубоко вдохнул знакомый запах дома — земли, травы и чего-то неуловимо родного. За стеной шелестел дождь, но здесь, под корнями старого дуба, было тепло, сухо и безопасно.

«Как же мне здесь нравится!» — подумал он, уютно сворачиваясь клубочком. Закрыв глаза и улыбнулся. Впервые за долгое время он почувствовал себя по-настоящему дома. Вокруг царили тишина и покой, а где-то вдалеке пели ночные птицы, будто напевая колыбельную.

Пушок медленно погружался в сон, зная, что его норка — это место, куда всегда можно вернуться, где ждут уют и безопасность.

«Мой дом, — прошептал он, почти засыпая. — Мой замечательный, уютный дом»

Пушок сидел на пороге своей норки, подставив мордочку тёплому вечернему солнцу. Вокруг царила привычная тишина: стрекотали кузнечики, где-то вдалеке перекликались птицы, а ветер ласково шевелил верхушки трав. Всё было так, как должно быть — уютно, надёжно, знакомо. И всё же, захлестнули странные чувства. Он и сам не мог их назвать: это была не радость и не печаль, не страх и не восторг. Что-то тёплое и колющее одновременно, будто внутри зашевелилось что-то давно забытое. Он глубоко вдохнул, пытаясь уловить в воздухе знакомый запах дома — земли, мха, сушёных грибов из кладовой — но вместе с ним в нос ударил ещё один аромат: далёкий, едва уловимый, напоминающий о чём-то, чего он не мог вспомнить.

«Кто бы пустил в свою нору?» — подумал кролик, и эта мысль отозвалась в груди непривычной тяжестью. Он оглянулся на своё жилище — такое аккуратное, такое надёжное. Камешки у входа, земляничные кусты, мягкий мох внутри. Всё это он сделал сам, своими лапками. И всё же вдруг показалось, что норка слишком большая — или слишком маленькая? Слишком тихая — или слишком пустая? Он представил, как здесь могло бы пахнуть ещё чьим-то мехом — может, таким же пушистым, как его собственный. Как где-то рядом раздавался бы ещё один голос, как кто-то делился бы найденной морковкой или рассказывал истории про дальние края. Как можно было бы свернуться клубочком не в одиночестве, а рядом с кем-то, кто тоже рад быть здесь. Он тряхнул головой, отгоняя видения. «Глупости, — сказал он себе. — У меня есть всё, что нужно: еда, крыша над головой, безопасность. Чего ещё желать?»

Но странное чувство не уходило. Оно пульсировало где-то в глубине, будто крошечное семечко, готовое прорасти. Пушок вздохнул, подтянул к себе лапки и снова посмотрел вдаль, туда, где лес сливался с закатным небом.

Может, дело было не в том, чего ему не хватало. Может, дело было в том, что душа вдруг захотела не просто иметь дом, а делиться им. «Интересно, — подумал он тихо, — а если я открою дверь пошире кто-нибудь придёт?»

Пушок сидел на пенёчке у своей норки и задумчиво смотрел на закат. Оранжевые и розовые полосы разливались по небу, а в траве уже зажигались первые светлячки. День выдался долгим и насыщенным, и теперь, в тишине вечера, в голове всплывали вопросы — странные, большие, такие, на которые не найдёшь ответа в кладовой с морковками или под кустом земляники.

«Почему я родился кроликом?» — подумал он вдруг.

Вопрос прозвучал внутри так отчётливо, что кролик даже оглянулся, будто кто-то произнёс его вслух. Он поднял переднюю лапку, покрутил ею перед глазами, потом пошевелил длинными ушами, прислушиваясь к далёким звукам леса.

«А если бы я родился птицей? — продолжал размышлять он. — Тогда я мог бы летать над деревьями, видеть весь лес сверху, встречать рассвет раньше всех» Он представил, как парит над лугом, а ветер играет его перьями вместо меха. Но тут же перед глазами возникла другая картина: он пытается взлететь, но тяжёлые лапки не дают оторваться от земли, а крылья слишком слабые. Он невольно улыбнулся и покачал головой.

«Или, может, я мог бы быть медведем? — подумал он дальше. — Тогда я был бы сильным, меня все бы уважали. Никто не посмел бы меня напугать!»

Но тут же представил, как неуклюже топает по лугу, как ему жарко в густой шерсти, как трудно пробираться в густой траве. Нет, это тоже не для меня.

Он опустил ушки и посмотрел на свои лапки — маленькие, ловкие, созданные для того, чтобы быстро бегать, ловко копать и аккуратно собирать ягоды. Он вспомнил, как сегодня утром успел увернуться от лисы, как легко нашёл дорогу домой по запаху, как уютно устроился

в своей норке. «Но ведь я — это я, — медленно подумал он. — Я кролик. И, наверное, это не просто так. У меня есть уши, чтобы слышать опасность издалека. Лапки, чтобы быстро убегать. Нос, чтобы находить еду и друзей. И сердце, которое хочет узнавать мир». Он глубоко вдохнул вечерний воздух, наполненный ароматами трав и смолы, и почувствовал, как внутри разливается тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.